

Елена АВРААМОВА,
Марина АРУТЮНЯН,
Ольга ЗДРАВОМЫСЛОВА,
Евгений ТУРУНЦЕВ

Здравствуй, племя младое, незнакомое!

(идеи и ценности молодых интеллектуалов)

Перестройку начали и завершили «дети XX съезда», в то время как собственно рыночная реформа ложится на плечи «детей августа 1991-го». По сути, это поколения, оказавшиеся по разные стороны границы эпох. Правомерен вопрос: насколько потенциальная интеллектуальная элита готова и способна интегрироваться в новую социальную реальность, работать не только проводником, но и созидателем необходимых для реформируемого общества идей и ценностей? Именно так был поставлен вопрос в социологическом исследовании, проведенном в Московском государственном университете и в одном из московских лицеев.

Отметим, что элитарность объекта нашего исследования определяется типом получаемого образования, поскольку именно тип образования — тот способ элитарной кристаллизации, который остался неразрушенным в условиях декомпозиции интеллигентской культуры и смены общего механизма воспроизводства элит, в том числе и интеллектуальных. Сегодня, в ситуации, когда старые политические и интеллектуальные элиты были потеснены, новые элиты (и не в последнюю очередь политические) формируются из «одной песочницы», коей является Московский государственный университет (МГУ). Его выпускников всегда отличала высокая степень внутренней корпоративности. В задачи нашего исследования входило также выяснение перспективы укоренения национально-религиозных ценностей в элитарных молодежных группах.

Для нынешних молодых интеллектуалов наиболее актуальная задача — найти свое место в формирующейся рыночной экономике. Этот поиск, как правило, индивидуален и не предполагает объединения с близкими по духу людьми, бесконечных споров и дискуссий о свободе, политике и смысле жизни — того климата оппозиционности и братства, в котором социализовалась интеллигенция поколений «детей XX съезда» и «шестидесятников восьмидесятых».

Это отчетливо ощущают сами интеллигенты нового поколения: «Сейчас какая-то большая разъединенность, разобщенность людей... По крайней мере после 1989 года. Может быть, стала меньше цениться дружба? Не знаю,

Авторы статьи — исследователи Института социально-экономических проблем народонаселения РАН кандидаты экономических наук Е. М. Аврамова и Е. В. Турунцев, кандидат психологических наук М. Ю. Арутюнян, кандидат философских наук О. М. Здравомыслова — специализируются по проблемам социальной политики.

но люди (сокурсники) стали замыкаться в себе, в своих замыслах»¹. Даже если отнести подобное признание к разряду типичных разочарований взрослого человека, утрачивающего иллюзии юности, нельзя не заметить здесь и очевидных примет эпохи перелома.

Духовная элита России — российская интеллигенция — на протяжении всей своей истории была носителем «западноориентированной» культуры. Какие бы позиции она ни занимала (классический пример — западники и славянофилы), она тем не менее определяла Россию по отношению к Западу. Зачастую проклиная западную бездуховность, мещанский дух, видя в нем источник зла, интеллигенция воспитывалась на его культуре, впитывала ее с юности, пронесла через всю жизнь некий связанный с Западом комплекс. Даже те, кто видел Россию в контексте европейской истории, как ее неотъемлемую часть (например А. Пушкин), признавали особую роль России, ее варварское своеобразие и понимали, что западный опыт, пересаженный на отечественную почву, даст иные, чем в Европе, плоды.

То, что называется сейчас «вхождением России в европейский дом», вовсе не означает, что Россия теряет своеобразие: оно неустранимо. Но несомненно, что на наших глазах происходит перелом ценностного отношения к западной культуре и образу жизни. Прежде всего они утрачивают черты книжности, черты мифа. На этом этапе ярче всего выступают позиции двух типов. С одной стороны, это безоговорочное признание первенства Европы и Америки, стремление максимально приблизиться к ним; крайний вариант данной позиции — установка на эмиграцию в развитые страны. С другой — решительное неприятие Запада, усиление враждебного отношения к нему («нас хотят разорить, завоевать, колонизировать» и т. д.), апокалиптические прогнозы, связанные с дальнейшим ходом реформы, «ведущейся по указке Запада».

Как та, так и другая установки существуют в среде интеллигенции, и обе они — следствие старинного комплекса, рожденного «под гнетом власти роковой» (в дореволюционной России) и за «железным занавесом» (в Советской России). Сейчас обе установки питаются общим ощущением неопределенности будущего и ожиданием возможного ухудшения ситуации в ближайшее время. Пожалуй, именно по линии отношения к Западу наиболее явно проходит водораздел между теми, кто в 60-е годы начинал «дедогоматизировать» марксизм и уже тогда штудировал классиков русской философии, и теми, кто, «навсегда» отказавшись от Маркса, а заодно и русской философии, читает модных на Западе Дерриду, Делеза и Лакана. Но во взаимном отрицании продолжает воспроизводиться все тот же тип, выросший в обстановке оторванности от европейской культуры. Молодому же поколению мыслящих россиян предстоит осваивать Запад как собственный жизненный опыт, перерабатывать этот опыт в сознании и выстраивать на его основе новое отношение к Европе и Америке.

В начале перестройки студенты и ученики первых лицеев и гимназий вместе с интеллигенцией старшего поколения восторженно дышали воздухом свободы и предвкушали открывающиеся возможности. Но представления о будущем все еще оставались книжными, чисто «интеллигентскими». Это были мечты о том, что теперь, в новом свободном мире интеллигенция будет, наконец, востребована и положение ее как элитарной группы укрепитя. Но сегодня, по признанию самих молодых, «гуманитарный» бум ушел с эпохой Горбачева, его сменил бум «коммерческий».

Как показывают события последнего времени, выходящая из стен лицеев, гимназий и университетов молодежь оказывается в совершенно новой экономической, социальной и духовной атмосфере. Она осваивает тот набор

¹ Из интервью с выпускником философского факультета МГУ 1992 года.

ценностей, образовавшийся на месте рухнувшей идеологии в результате долгой борьбы с «системой», которую вела интеллигенция старшего поколения. Молодежь формирует свою «картину мира», вырабатывает свои жизненные сценарии, связанные с превращением ее в собственно интеллектуальную элиту.

«Дух капитализма» — по Марксу или по Веберу?

«Дух капитализма», кажется, впервые отчетливо проявил себя в «прейскуранте ценностей» молодых людей. Стандартный метод ранжирования ценностей — от наименее к наиболее субъективно важным — в советской социологии молодежи всегда давал устойчивые результаты. Молодые респонденты категорически отказывались «иметь много денег» (эта ценность обычно имела самый низкий ранг) и пренебрегали карьерой. В то же время такая ценность, как «совершенствовать общество», имела шансы попасть если не в первую тройку, то, во всяком случае, не очень отстать. Последние данные такого рода были получены нами в исследовании школьников Москвы (лицей) и Оренбурга (школы) в 1989 году.

Разумеется, речь в этой связи могла идти не о реальном поведении (мы прекрасно знаем, что многие молодые люди в действительности ни деньгами, ни карьерой не пренебрегали и больше занимались собой, чем обществом), а о господствующей — условно назовем ее идеалистической — ценностной модели. В то же время деньги в условиях «реального социализма» не играли свойственной им роли «всеобщего эквивалента», а посему их недооценка, возможно, имела некоторые реальные основания.

Теперь же, во всяком случае у московских лицеистов и студентов университета, желание «иметь много денег» заняло почетное третье место (после традиционных «интересной работы» и «чистой совести»), а в стремлении прежде всего к карьере признается без малого треть опрошенных. Потребность же «совершенствовать общество» имеет самый низкий ранг в ценностной иерархии. Добиться «власти, влияния, признания» и вообще «успеха» непременно хотели бы от 25% (среди студентов) до 48% (среди школьников) молодых людей. Если рассмотреть эту ценностную модель с точки зрения слов-стимулов, то получатся две семантические цепочки. Первая: «работа—успех—деньги—власть» ассоциируется с марксовым понятием «капитализм»; вторая: «работа—совесть—деньги—признание» — с идеей трудовой (по Веберу, протестантской) этики. Исключение из первой цепочки такого «идеального» звена, как «совесть», и подмена «успеха» «властью» превращают капитализм «по Веберу» в оскал капитализма «по Марксу».

Какая из этих моделей реализуется в нашей стране? Вопрос, с которым связано все наше будущее. Можно, разумеется, утверждать, что Марксов капитализм — лишь предшествующая стадия веберовского, что колесо истории раскручивается медленно... Однако вряд ли многие легко смирятся с тем положением, что это колесо будет катиться по ним еще лет полтораста. Во всяком случае, вероятно, имеет смысл приложить все усилия, чтобы сократить этот период.

Элитная прослойка (и интеллектуальная элита, в частности) — это группы, на которые общество и государственные структуры могут опереться при определении и углублении фарватера изменений. С этой точки зрения появление в ценностном арсенале формирующейся интеллектуально-профессиональной элиты обеих семантических осей, характеризующих поле «зрелого», «просвещенного» или «цивилизованного» капитализма, весьма утешительно. Однако операционализация понятия «совесть» в категориях веберовских трудовых добродетелей — «честность», «ответственность» и (прежде всего) «трудолюбие» — довольно существенно меняет картину.

Ни одна из этих характеристик, по результатам опроса, не вошла в первую тройку человеческих (и профессиональных) свойств, сопутствующих успеху в нашем обществе. Причем вовсе «на задворках» оказалась «честность» (около 15%). Успеха же можно добиться, обладая в первую очередь (около 50% по каждой пропорции) «здоровым смыслом», «творческими способностями» и «материальной обеспеченностью». Оставив в стороне творческие способности как выбор, явно детерминированный характеристиками «творческого» контингента, но памятуя, что и этот параметр совершенно irrelevant морали (Остап Бендер — личность исключительно творчески одаренная), обнаружим откровенную философию парвеню: здравомыслие (т. е. умение в широком смысле хорошо считать) и тугой кошелек — вот гарантии успеха! Такую систему ожиданий воспринимают молодые люди со стороны общества, в которое они собираются вступать, в котором собираются действовать «искренне» (48%), «активно» (50%), «целеустремленно» (56%) и «ответственно» (73%).

Как же многим людям с весьма высокими амбициями удастся примирить аморализм воспринимаемых социальных ожиданий с собственными, вполне «протестантскими» экономическими требованиями к себе? Понятно, что в реальном поведении будут действовать индивидуальные механизмы психологической защиты, но нас интересуют групповые социально-ценностные представления. Логически можно предполагать несколько вариантов:

— «лучше» думать об обществе — наиболее легкий путь для людей молодых, активных идеалистов;

— «хуже» думать о себе — трудный путь цинизма и моральных компромиссов. Путь, впрочем, проторенный. Однако его осознают обычно, когда он уже пройден, а не тогда, когда на него только вступают. Анкетой такое «не ловится»;

— снизить амбиции активности, отказаться от тех жизненных целей (например успех, карьера, деньги и т. п.), достижение которых может прийти в противоречие с высокой моральной самооценкой («чистой совестью»);

— эскапизм — попытка вообще выйти за рамки ситуации, задающей дилемму: например эмиграция (в веберовский капитализм, минуя 100—200 лет ожидания).

Эти теоретические варианты достаточно отчетливо выявляются при сравнительном анализе данных, полученных в ходе опросов лицеистов, с одной стороны, и студентов — с другой.

Первый вариант — «лучше думать об обществе». Этот способ примирения противоречий в основном характерен для выбора лицеистов. Они считают, например, что общество вознаграждает успехом не только здравый смысл и материальную обеспеченность, но и трудолюбие (42%; у студентов — 22%). Образование, по их мнению, откроет перед ними возможность сделать карьеру (53% против 28% у студентов) и зарабатывать деньги (32% против 12% у студентов), т. е. вложенные усилия (трудолюбивое получение образования) общество поощрит «успехом», не потребовав «поступиться принципами». Такое возможно, конечно, лишь в разумно устроенном обществе, и большинство (58%) лицеистов (студентов — 15%) считают, что в стране «все развивается к лучшему».

Не удивительно, что школьники по сравнению со студентами значительно чаще считают себя оптимистами, более уверенными в себе. Они гораздо более целеустремленны, активны и идеалистичны. (Кстати, среди них почти 60% считают себя «лучше других», что в совокупности со всем остальным может говорить о весьма высоком жизненном тоне, в чем, видимо, немалая «заслуга» элитного характера их учебного заведения и статуса родительских семей.) Перед ними, бодрыми и оптимистичными, меняющееся к лучшему общество открывает двери, войдя в которые, они будут активно и целеустремленно творчески трудиться, получать за это адекватное вознаграждение.

раждение «деньгами и славой» и проводить время «свободно и весело» (ценность, занявшая третье место в общей иерархии ценностей). Понятно, что и декларируемые ценности обновляющегося общества разделяются этим типом молодых людей в высокой степени: консерваторами называют себя лишь пятая часть лицеистов (это в два раза меньше, чем у студентов).

Второй вариант — «хуже думать о себе», т. е. снижение социальных амбиций. Данный вариант значительно чаще прослеживается у людей более взрослых. Возможно, это вызвано отсутствием у пятикурсников радужной перспективы, равно как и большим — по сравнению с лицеистами — жизненным опытом, большей ответственностью за свой жизненный выбор. Не исключено, однако, и то, что наблюдаемые различия связаны не столько со стадиями взросления, сколько — при громадном темпе и скачкообразном характере изменений последних лет — с уже накопившимися за разделяющее их пять-семь лет поколенческими различиями. Эта гипотеза более оптимистична, но более ли верна — не известно.

Итак, если для школьников пробуждающийся «дух капитализма» имеет отчетливый отпечаток «протестантской этики», то студенты, скорее, склонны учуять здесь маркова зверя. Не считая трудолюбие, честность и ответственность существующими факторами успеха (при этом самих себя характеризуют в высокой мере ответственными 75% студентов, и, следовательно, 2/3 из них не ожидают, что это свойство будет востребовано), они снижают для себя значение успеха (5% против 16% у школьников), признания (20% против 32%) и в значительной мере утрачивают чувство цели (только 48% студентов против 74% лицеистов считают себя целеустремленными).

В понимании функции образования (и/или мотивации его получения) студенты разительно отличаются от школьников. Одна из основных функций образования для школьников — инструментальная: она, во-первых, придает уверенность в себе (58%); во-вторых, позволяет сделать карьеру (53%); в-третьих, приносит хорошие деньги (32%). Для студентов же образование служит прежде всего саморазвитию, что не предполагает его «окупаемости» в терминах социального признания. Иерархия такова: 1) образование «помогает понять себя» (55%); 2) позволяет «все время узнавать что-то новое, интересное» (43%); 3) придает уверенность (40%).

Таким образом, выпускник Московского государственного университета 1992 года мог бы заявить примерно следующее: «Это общество не ценит честных, ответственных, высокообразованных людей. Оно не платит им деньгами и признанием. Поэтому образование я получаю прежде всего для познания — себя и других объектов, а не для того, чтобы снискать с его помощью общественное признание и послужить этому обществу. Здесь очень важно иметь деньги, но я вовсе не убежден, что смог бы делать их, сохранив чистую совесть: ведь единственное, чем я владею, это образование, которое не котируется... Правда, есть еще творческие способности — это тоже может привести к успеху. Но обладаю ли я ими? И теми ли? Уж очень зыбкая вещь... В конце концов, есть вещи и поважнее денег, успеха и даже интересной работы — вести обычную жизнь с близкими людьми. В крайнем случае реализую себя в любви, в семье...».

Студенты в полтора раза чаще считают себя пессимистами, менее уверены в себе, менее активны, гораздо менее устремлены к цели, несколько более материалистичны (реалистичны?) и рациональны, более консервативны.

В связи со всем вышеуказанным вполне понятно, что студенты в 1,5 раза чаще, чем школьники, считают, что ситуация в стране будет ухудшаться, и в 4 раза реже соглашаются с утверждением, что все развивается к лучшему. Очевидно, что именно из этой части студенчества «вербуются» та группа опрошенных (21%), которая в будущем собирается (или хотела бы) избрать

«эскапистский» вариант — эмиграцию из страны. Оптимистичные лицеисты этот вариант пока даже не рассматривают.

Здесь следует сделать одно немаловажное замечание. Когда социолог задает вопросы, касающиеся будущего страны, будущего и настоящего респондента в стране и т. п., он далеко не всегда осознает или — тем более — имеет возможность выяснить, о какой, собственно, стране идет речь, т. е. каковы субъективные представления о ней опрашиваемых. У нас такая возможность была. И оказалось, что «идея» страны, субъективная картина России у юных и молодых россиян различны.

Две России, или От какого наследства мы опять отказываемся

Обобщающие суждения о странах и народах всегда мифологичны. Предлагавшиеся нами респондентам суждения о России имели источниками как бы два противоположных мифа: западнический (от более душевного за отечество Герцена до резко нигилистичного по отношению к «земле чужой» де Кюстина) и славнофильский (персонифицированный Тютчевым, Аксаковым и др.). Авторство суждений, с которыми предлагалось согласиться либо отвергнуть их, было скрыто от респондентов.

«Разломным» оказалось суждение маркиза де Кюстина о том, что «русским свойственно рабское мышление, не лишенное в то же время барской заносчивости». Эту уничижительную характеристику своего народа (практически все респонденты — русские) приняли почти половина студентов и менее трети лицеистов; категорически же отвергли ее, соответственно, менее трети студентов и половина лицеистов. Еще более глубокую дифференциацию дало суждение Ленина, в котором негативная оценка России и русских выступает в более замаскированной форме: «В России много людей талантливых, а умных мало». Доля согласных с ним студентов более чем в два раза превышает соответствующую долю лицеистов (49% и 21%). Суждение же о том, что «... недостаток самостоятельности...» славян делает их «... народом, нуждающимся в других народах», хотя в целом и собрало меньше приверженцев, но столь же отчетливо дифференцирует студентов (28% согласившихся) и школьников (10%). Это, однако, не значит, что противоположный, «прославянский», миф, во всяком случае в его православно-имперском варианте, сколько-нибудь серьезно укоренен среди самых юных наших респондентов. Им свойственны в основном секулярное сознание и отсутствие имперских амбиций. Речь идет лишь о значительно более высокой идентификации с Россией и русским народом школьников по сравнению со студентами. Россия в ответах школьников значимо реже предстает как страна «заносчивых рабов», «глупых талантов», смиренных, безхозяйственных, нетрудолюбивых, недисциплинированных, привыкших к подчинению (но довольно-таки расчетливых и корыстных — как и пристало рабам) людей.

Принимая во внимание это различие лицеистов и определенной части студентов в субъективной оценке своей страны, становится понятным тот факт, что студенты значительно реже, чем школьники, воспринимают оскорбление своему народу как личное (25% против 53%), переживают обвинение своему народу как личный позор и испытывают личную гордость достижениями народа. Чувствуют радость, гордость или восхищение при слове «Россия» 63% лицеистов и лишь 22% студентов, печаль или сожаление, соответственно, 10% лицеистов и 38% студентов. Думается, можно с большой долей уверенности констатировать кризис национальной идентичности у значительной доли молодых людей — студентов МГУ. Параллельно с дезавуированием имперской социальной мифологии идет утверждение нового (?) мифа о безнадежно обессиленной и довольно-таки

вульгарной стране, заселенной «глупыми талантами» и «заносчивыми рабами».

Связь этих образов современной России с описанными в предыдущем разделе жизненными представлениями, ценностями и стратегиями молодых образованных людей очевидна. Юноши и девушки как бы по-разному отвечают на вопросы, что значит «родиться в России с умом и талантом» (в зависимости от того, каким им видится зарождающийся «дух капитализма») и каково их собственное будущее (исходя из того, как воспринимаются требования этого общества, возможности вписаться в него и утвердиться в нем).

В этой связи между двумя идеологемами «духа капитализма» (как и между «двумя Россиями») нет непроходимого барьера, а две молодые элитные группы — не два разных поколения, а, скорее, два варианта судьбы интеллигента в нынешней России. Неудача стратегии «лучше думать об обществе» (и, соответственно, о себе, своих возможностях в нем) может легко привести к любой из оставшихся стратегий — пессимистических. Это предполагает «самопогашение» человека, защитное равнодушие к судьбе страны и (в значительной мере) к своей собственной. В самом печальном варианте это может кончиться тем, что Россия утратит свою интеллектуальную элиту, а элита — свою Россию.

От «русской идеи» к «русской идеологии»

Частая апелляция к национальным и религиозным ценностям сегодня ощущается у нас на двух уровнях: на общественном — стремление людей найти идеологическую опору в трансформирующемся мире; на институциональном — попытка сконструировать идеологию сверху, чтобы не только заполнить идеологический вакуум, но и придать дополнительную легитимность новым властным структурам. Это движение — и «сверху», и «снизу» — проявляется как в крайних экстремистских и аффектированных формах, так и в формах цивилизованных.

Наши предыдущие обследования по теме «Социокультурные ориентации населения», проведенные в 1990—1992 годах, показали, что национально-религиозные представления являются одним из самых мощных оснований для создания фундаментальной идеологии. Поэтому имеет смысл рассмотреть, насколько национальные и религиозные ценности значимы для молодежных элитарных групп, т. е. того контингента, поддержка которого только и может укрепить идеологическую деятельность данной направленности.

Справедливо было предполагать, что респонденты изначально неоднородны не только в восприятии происходящих перемен, но и в отношении к национально-религиозным ценностям. Учитывая, что среди наших респондентов были представители младших возрастных групп (школьники), чье отношение к действительности проявляется в большей степени эмоционально, в качестве группообразующего индикатора мы использовали эмоциональное отношение респондентов к такой фундаментальной с точки зрения национально-религиозного сознания ценности, как Россия.

Респонденты очевидным образом разделились. Одни, таковых большинство (35,6%), определяют свое отношение к России в терминах «восхищение», «гордость», «радость». Мы будем рассматривать их в качестве первой группы. Вторую группу составили те, чье отношение определяется как «печаль», «сожаление» — их 28,8%. Третью группу составили либо «не испытывающие никаких чувств», либо затрудняющиеся ответить.

Естественно, выбранный дифференцирующий индикатор является наиболее обобщенным. Поэтому есть смысл рассмотреть, что стоит за этим распределением. Прежде всего эмоциональное отношение к России как ценности связано с оценкой будущего страны. Среди тех, чье отношение к

России эмоционально положительно (первая группа), большинство (60%) благоприятно оценивают перспективы ее социально-экономического развития. Среди тех, чье отношение к России эмоционально негативно (вторая группа), благоприятные перспективы видят лишь 7,7% респондентов. Таким образом, полученное нами первоначальное распределение по группам напрямую связано с видением реального будущего России, которое респондентами интерпретируется вне какого бы то ни было идеологического контекста, через представления об экономическом росте и благосостоянии. При этом позитивная эмоциональная оценка предполагает оптимистический прогноз, и наоборот. Соответственно, и реализация собственных жизненных планов представителями обеих групп видится в контексте оценки будущего России: 95,2% представителей первой группы связывают с ней свою судьбу, а среди представителей второй группы таких значительно меньше — 64%. Намереваются эмигрировать на Запад в основном представители второй группы: таких 35,3%.

Поскольку сегодня наиболее жесткие, стремящиеся к выражению в идеологических формах национальные идеи в той или иной степени соотносятся с русским православием в его традиционном или модернизированном обликах, целесообразно было выяснить, насколько выделенные нами типы патриотизма («гордый патриотизм», характерный для представителей первой группы, и «печальный патриотизм», характерный для второй группы) соотносятся с религиозными ценностями. Результаты оценки респондентами роли религии в нашем обществе показали, что лишь 5% представителей первой группы склонны рассматривать религию в качестве социального института, «определяющего все стороны жизни общества». Для этой группы характерно мнение, что «религия не должна занять место прежней идеологии». Так полагают 71,4%. Среди представителей второй группы уже 31,5% считают, что свойство религии — влиять на все стороны жизни общества, и государство должно этому способствовать. В то же время 43,8% представителей этой группы выступают против того, чтобы религия заняла место прежней идеологии. Эти данные свидетельствуют о наличии сильной национально-религиозной ориентации у части «печальных патриотов», которые поддерживают укрепление религиозных институтов как фундамента национального возрождения России.

То, что в данном случае мы имеем дело именно с такой ориентацией, а не прямо с феноменами религиозного сознания, видно из ответов респондентов на вопрос об их вере в Бога: почти равное количество верующих оказалось в обеих группах (в первой — 47,6%, во второй — 41,2%). Однако общественная роль религии как института, как мы видели, представителями этих групп понимается совершенно по-разному. Значит, не собственно вера лежит в основании требования десекуляризации, а стремление институционализировать в обществе отношения патерналистского типа.

Наконец, нашими респондентами была дана оценка своих социально-политических ориентации: 52,4% представителей первой группы считают себя демократами, 19,0% — консерваторами. Во второй группе соотношение обратное: 58,8% консерваторов и 17,6% демократов. Эти данные подтверждают нашу гипотезу о наличии некоторых устойчивых типов ориентаций, существующих в молодежных группах. Доминантной является ориентация либерального типа, предполагающая, с одной стороны, культурно-языковую национальную идентификацию и установку на те формы религиозной жизни, которые не претендуют на идеологические функции в обществе, а с другой — реализацию «продуктивного» жизненного сценария (работа именно в России с расчетом на благосостояние и процветание страны). Данная ориентация присуща представителям первой группы, которая является в большей степени гомогенной.

Группа «печальных патриотов» гетерогенна и характеризуется наличием

двух в какой-то степени полярных ориентаций. Одна из них связана с негативным эмоциональным отношением к России, негативной же оценкой перспектив ее развития, атеизмом или секулярным типом сознания и, видимо, как следствие, нежеланием реализовать свой жизненный сценарий в пределах России. По существу, это описанная выше эскапистская ориентация, проявляющаяся у части представителей второй группы. Приверженцев подобной ориентации — менее четверти опрошенных. Другой тип ориентаций в этой группе характеризуется эмоционально-негативными реакциями на настоящее и будущее России, самоидентификацией, оппозиционным демократизмом, установкой на десекуляризацию. Данные ориентации демонстрируют около 10% всех респондентов, они же составляют меньшую часть второй группы. Очевидно, респонденты, придерживающиеся этих ориентаций, могут стать объектом воздействия идеологий национально-фундаменталистского типа и в будущем субъектами формирования идеологий данного направления.

Разумеется, реализация трех выделенных типов ориентаций или жизненных сценариев зависит не только от внутреннего — ценностного, — но и от внешнего фактора. При изменении качества социально-политического контекста возможна смена типов ориентации, например «продуктивный» жизненный сценарий может быть заменен эскапистским вариантом и т. д.

В заключение правомерно поставить вопрос: появляются ли, наконец, те самые «новые русские», о которых уже складываются мифы в среде интеллигенции, нынешних коммерсантов, даже на Западе? По нашему мнению, пока можно сказать лишь следующее: у молодежи возникает некое качество, не присущее не только «шестидесятникам», но и поколению 70—80-х годов. Мы бы связали его с желанием жить и реализовать себя в сегодняшней России, каким бы смутным ни было это время. Это естественное и нормальное желание, но оно ново для российской интеллигенции, привыкшей либо дистанцироваться от российской действительности, либо бесконечно бороться с ней, либо полностью подчиняться ее абсурдным законам, жертвуя при этом какими-то важнейшими чертами своей особой социальной группы. Явится ли это новое качество достаточно прочным, сможет ли оно стать фундаментом российского возрождения? Время покажет.